

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н. П. ОГАРЕВА»

ФИННО-УГРИСТИКА 9

МЕЖВУЗОВСКИЙ СБОРНИК НАУЧНЫХ
ТРУДОВ

САРАНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2010

УДК 811.511.1
ББК Ш166
Ф605

Редакционная коллегия:

М. В. Мосин (отв. ред.), *Д. В. Цыганкин*,
И. Н. Рябов, *Ю. Г. Антонов* (отв. секретарь)

Финно-угристика 9 : межвуз. сб. науч. тр. / редкол.:
Ф605 *М. В. Мосин* (отв. ред.) [и др.]. — Саранск : Изд-во Мордов.
ун-та, 2010. — 200 с.
ISBN 978-5-7103-2214-7

Сборник, посвященный юбилею одного из ведущих мордовских филологов профессора *Е. И. Чернова*, включает статьи и исследования отечественных литературоведов, лингвистов, фольклористов — представителей гуманитарных наук, на стыке которых или с использованием материалов которых создавал свои литературоведческие труды юбиляр.

Предназначен для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов и студентов гуманитарного профиля, учителей и учащихся школ.

УДК 811.511.1
ББК Ш166

ISBN 978-5-7103-2214-7

© Оформление. Издательство
Мордовского университета,
2010

**ЕВАНГЕЛЬСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПОВЕСТИ
УДМУРТСКОГО ПИСАТЕЛЯ Я. ИЛЬИНА «ШУДО ВАПУМ»
(«СЧАСТЛИВОЕ ВРЕМЯ»)**

С. Т. Аркеева

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Религиозные мотивы характерны для творчества ряда удмуртских писателей, творивших в конце XIX – начале XX века. Среди этих авторов Г. Е. Верецагин, И. С. Михеев, И. В. Яковлев, М. И. Ильин, М. П. Прокопьев и другие. В послереволюционной литературе христианские идеи, образы, мотивы чаще используются как стилизация, как пародийно-травестированный вариант и т.д. Характеризуя тенденции развития удмуртской литературы первой трети XX века, Шкляев А. Г. пишет: «Художественное творчество понимается как оформление идей в образы, как переложение своих идей в стихах, драме, зарисовке. Поэтому удмуртские авторы часто одевают свои замыслы в готовые формы. Сама учеба шла как прямое подражание или фольклору, или произведениям русской литературы. Нетрудно заметить во многих первых произведениях прямые заимствования, переклички, реминисценции, калькированные языковые обороты, нередко в них проглядывают образцы, по которым они сделаны. Рождается целый пласт литературы, в которой в старых, традиционных формах нашло отражение новое содержание» [1, 103]. Пожалуй, это высказывание справедливо и по отношению к повести Я. Ильина «Шудо вапум» («Счастливое время»).

Яков Ильич Ильин – один из ярких представителей удмуртской интеллигенции первой половины XX века. Выпускник пединститута в Вятке, был заведующим Удмуртской учительской семинарией в Елабуге, директором Можгинского педтехникума, аспирантом Научно-исследовательского института народов Востока. Автор стихов, уникального библиографического издания «Рой книг», словаря общей финско-удмуртской лексики «Пичи кылбугор», публицист, литературный критик. Был репрессирован в 1932 году по «делу СОФИН». Умер в 1959 году в Горьковской области.

В 1920 году Я. Ильин опубликовал отдельной книгой повесть «Шудо вапум». Неслучайно, наверно, именно в пореволюционный период родилось это произведение, когда было ощущение того, что начинается новая эра, грядет новый век. Свообразие и необычность повести в том, что автором использованы новозаветные реминисценции. Писатель обращается к приему поучений, наставлений, трансформируя

первоисточник, переосмысливая его в свете своей авторской концепции, насыщая новым содержанием в свете сознания своего времени.

Повесть состоит из 10 разделов. В предисловии наблюдается противопоставление небесного и земного, звучит идея Божьего царства на земле. Любовое опровержение существования загробной жизни, звучащее в предисловии, казалось бы, организует дальнейшее прочтение текста в атеистическом ключе. Однако такового не происходит. В первую очередь благодаря притчевости высказываний пророчествующего героя, который, странствуя, «благовествует» о том, что грядет «счастливое время», а в роли того, кто воплотит земной рай на земле, провозглашает народ.

Провозвестник «нового времени» представляет себя таким образом: «Мынам нимы Олокин; улон интые (местае) – Музьем; веран вапуме азьланын али» («Меня зовут Некто; живу на Земле; век (время), о котором рассказываю, впереди»)*. Далее, так же как и в Новом Завете, к герою обращаются «Дышетись» (Учитель). Кроме того, автор называет его «вьль закон верась» (провозглашающий новый закон).

Согласно сюжету, Учитель встречается с разными людьми, которые задают ему те или иные вопросы: «крестьяньёс» (крестьяне), «ремеслаё муртьёс» (ремесленники), «кышномурт» (женщина), «пычалэн мурт» (человек с ружьем), «дышетскем муртьёс» (грамотные люди), «попъёс» (попы), «закон бордын бергась» (законник), «салдательёс пушкысь одӧг мурт» (один из солдат), «фабрикаын ужасьёс» (работники фабрики). Соответственно, советы как жить, как действовать, как строить жизнь даются в зависимости от принадлежности людей к той или иной социальной группе, от вида их занятий.

Например, наставления для крестьян напоминают социально-экономическую программу. Так, звучат экономические советы о товарных отношениях между крестьянами и рабочими. Также Некто, провозглашающий закон, учит, что крестьянам в доме нужно держать две большие книжки: «Огаз мар сётэмез луоно, сое мед гоштоз, кыкетияз аслыз мар кулэ, сое мед гоштоз» («В одной пусть записывает, что может дать, в другой пусть записывает то, что нужно самому»). Эти слова контекстуально можно интерпретировать как совет по ведению планового хозяйства. С другой стороны, абстрактность как этого высказывания, так и других, наверняка, допускает и иные толкования.

Как можно заметить, многие цитаты из Евангелия переложены так, что их смысл подчинен узко-классовой концепции: «Астэ ачид яратэм кадъ ик, куанер муртэ но яраты: со саяна, дунне бырыгозь, номыр но кулэ оволл» («Как себя самого, полюби и бедного человека: помимо этого, до конца

* Здесь и далее подстрочный перевод наш.

света, ничего не нужно»). Ср.: «Почитай отца и мать: и: люби ближнего твоего, как самого себя» (Мф 19: 19); «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф 5: 44).

В качестве реального пути к установлению справедливости рассматривается перераспределение материальных благ: «Куанерьёс, ваньбур шедьтыса, шудо луозы» («Бедные, обретя богатство, станут счастливыми»); «Узырьёс, номыртэк кыллыса, шуген улозы, соослэсь кылзиськись уз ни лу» («Богачи, оставшись без всего, будут жить трудно, слушаться их больше никто не будет»). Ср.: «Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф. 19: 21); «Иисус же сказал ученикам своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное» (Мф 19: 23). Таким образом, в сочинении Я. Ильина идея отказа от материального во имя духовного редуцирована. И в целом дилемма «богатые – бедные» решается в марксистско-материалистическом ключе, а не в русле религиозной аксиологии.

В девятом разделе повести название грядущего века конкретизируется как «коллективная жизнь (жизнь сообща?)». Формула идеальной модели жизни звучит так: «Соку калыкьёс, ожмаськемысь дугдыса, ваньзы огазын ужаса шудо луозы» («Тогда народы, покончив с войнами, будут счастливы в совместном труде»). Наступление нового века сравнивается то с цветком, то с большой рекой, вышедшей из берегов после дождя; то проводится параллель с тем, как из скорлупы вылупляется цыпленок.

Учитель призывает все время быть начеку: «Сюлмысьтым ик шонерэз верасько: мар кулэ, дасялэ, вапум вуоз, шодытэк кылёды» («От сердца говорю правду: подготовьте, что надо, не заметите, как грядет (новое) время»). Предположительно, это переложение евангельских слов: «Итак бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет» (Мф 24: 42).

Если попытаться в целом охарактеризовать повесть Я. Ильина, то можно отметить, что она представляет собой условно-абстрактное повествование. Отсутствие каких-либо реалий (исторических, социальных, географических), портретов героев достаточно органично для такого рода произведения, имеющего направленность, нацеленность на обобщенность, в связи с сознательной перекличкой со Священным Писанием. Автор сохраняет притчевость повествования, в том числе включая собственные микросюжеты притчевого характера, смысл которых ориентирован на ценности своего времени. Заметим, что в

тексте все-таки есть минимальный ряд деталей, воссоздающих социально-исторический фон: «буржуй», «помещик», «купеч» (купец), «сибыр» (Сибирь). Общий характер повествования нарушается и конкретными, техническими по смыслу вопросами, которые задаются людьми Учителю. Например: «Почтаен телеграм, чугуи сюресэн паракод кызы ветлозы соку, вера милемлы?»

Кызы лэстызы выжъсыз, мар сямен гудозы (копалозы) канаваосыз, машинаен паракодэз тупатись луоз-а?»

(«Как тогда будут ходить почтовые телеграммы, железные дороги с пароходами, скажи нам?»)

Как сделают мосты, как будут копать каналы, будут ли ремонтировать машины с пароходами?»).

Герой уклоняется от ответов на такого рода вопросы. Тем не менее, можно констатировать, что учение героя находится преимущественно в сфере материального. Может быть это связано с тем, что в повести воплощено народное представление о счастливом мире. И произведение является народно-легендарной интерпретацией счастливой жизни, когда на первом месте находятся земные, материальные блага, труд физический, а не духовный.

В финале произведения героя, так же как Иисуса Христа, ждет смерть. Автор завершает свое произведение на ноте христианской жертвенности: герой готов принять праведную смерть; его участь облегчается осознанием того, что миссия им выполнена, и верой в то, что мучители раскаются в содеянном. В финальных строках звучит мысль о том, что дело будет продолжено другими: «Гунъдэм куара интые выль верасьёс быдэс дунне вылэ верано кылъёссэс бургыти вераса улозы» («Вместо заглушенного голоса новые провозвестники через трубу будут говорить слова, которые нужно сказать всему миру»). В повести не выражена мысль о воскресении как о единственном способе спасения людей. Скорее всего, проблема бессмертия решается в духе обновленной религии – как бессмертие человека в его делах и в памяти людской.

Итак, с одной стороны, сюжетно-композиционная основа, прием поучений, наставлений, графическое оформление повести, в которой буквально каждое предложение вынесено в отдельную строку, лаконично-формульный стиль, финал – все отсылает к евангельскому первоисточнику. В то же время писатель трансформирует евангельский сюжетно-образный материал, помещает его в собственную систему эстетических и этических координат, насыщает социально-прагматической доминантой в свете сознания своего времени. Этому способствует и неточное цитирование источника, в том числе замена его

отдельных семантически важных элементов, и свободный перевод текста, и вольное переложение некоторых евангельских сюжетов и т.д.

В целом, по-*весть* можно трактовать как *весть* о грядущем «Золотом веке» на земле. Очевидно одно, что это не пародия на библейский источник. Нельзя не отметить и некие претензии на ассоциативность, философичность, «загадочную символичность» повествования, стилизованный посыл к афористичности слога, что, в определенной мере, расширяет смысловые горизонты произведения.

Можно предположить, что автор оформил идеи социализма в форме святых наставлений, чтобы возросла значимость сказанного. Кроме того, писатель, по-видимому, веровал в то, что для потенциальных читателей христианское учение должно быть близко и понятно. В то же время, думается, что осмысление сочинения, в котором присутствует библейский код, требовало от читателей достаточно больших усилий и подготовленности.

Повесть является доказательством и того, что в преображении действительности важную роль играет слово, и это слово звучит из уст Учителя, образ которого очень актуален для многих произведений этого времени. Практически ни одно произведение не обходится без фигуры учителя, типа людей, знающих, куда надо идти, куда вести народ. Так, в повести удмуртского писателя Иннакея Кельды «Кызы умой улон дунне вуоз» («Как придет хорошая жизнь») есть герой-учитель, подающий пример другим в рационально-хозяйственной организации жизни. Типологически близкие образы есть и в произведениях Г. Верещагина, И. Михеева, И. Яковлева и других. В повести «Шудо вапум», наверняка, актуализирована роль просветительских традиций, звучит святая вера в закон как гарант социально-справедливого мира.

Обобщая наши размышления, отметим, что автор использует Священное Писание как своеобразную «матрицу», адаптируя его под «моделирование» будущего общества в виде «рая на земле». Такого рода тексты, до сих пор рассматривавшиеся как периферийные явления литературного процесса, на самом деле позволяют воссоздать полноту картины литературной жизни в пореволюционный период и дают реальное представление о многообразии поисков удмуртских авторов, их обращении к необычным формам художественного осмысления своей эпохи.

Библиографические ссылки

1. Шкляев А. Г. На подступах к реализму. Удмуртская литература, литературное движение и критика в 1917–1934 годах / А. Г. Шкляев. – Ижевск : Удмуртия, 1979. – 168 с.